

Б. Р. Мандель

Загадки, тайны, память, восхищение...

DirectMEDIA

Борис Мандель

**Загадки, тайны,
память, восхищение...**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 929
ББК 63.3(2)

Мандель Б. Р.

Загадки, тайны, память, восхищение... / Б. Р. Мандель —
«Директ-Медиа», 2014

Данная книга представляет собой сборник «пестрых глав» о людях, чья биография, судьба, творчество остались в памяти не только как чрезвычайные, необычные, загадочные и неизведанные, но и принесли нам талантливые произведения искусства, навеки запечатлевшиеся в памяти человечества. Книга написана доступным языком и содержит большой иллюстративный материал. Проблематичные и спорные вопросы, заметный субъективизм автора и его отношения к своим героям не мешает читательскому удовольствию и открытию нового. Книга может быть интересна и любопытна всем неравнодушным к истории жизни выдающихся и часто загадочных, а то и вполне мифических личностей.

УДК 929
ББК 63.3(2)

© Мандель Б. Р., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Краткое предисловие	5
Омар Хайям: ...много лет размышлял я над жизнью земной...	7
Пресвитер Иоанн: ...вечной тайны разгадку едва ли найдешь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Борис Рувимович Мандель

Загадки, тайны, память, восхищение...

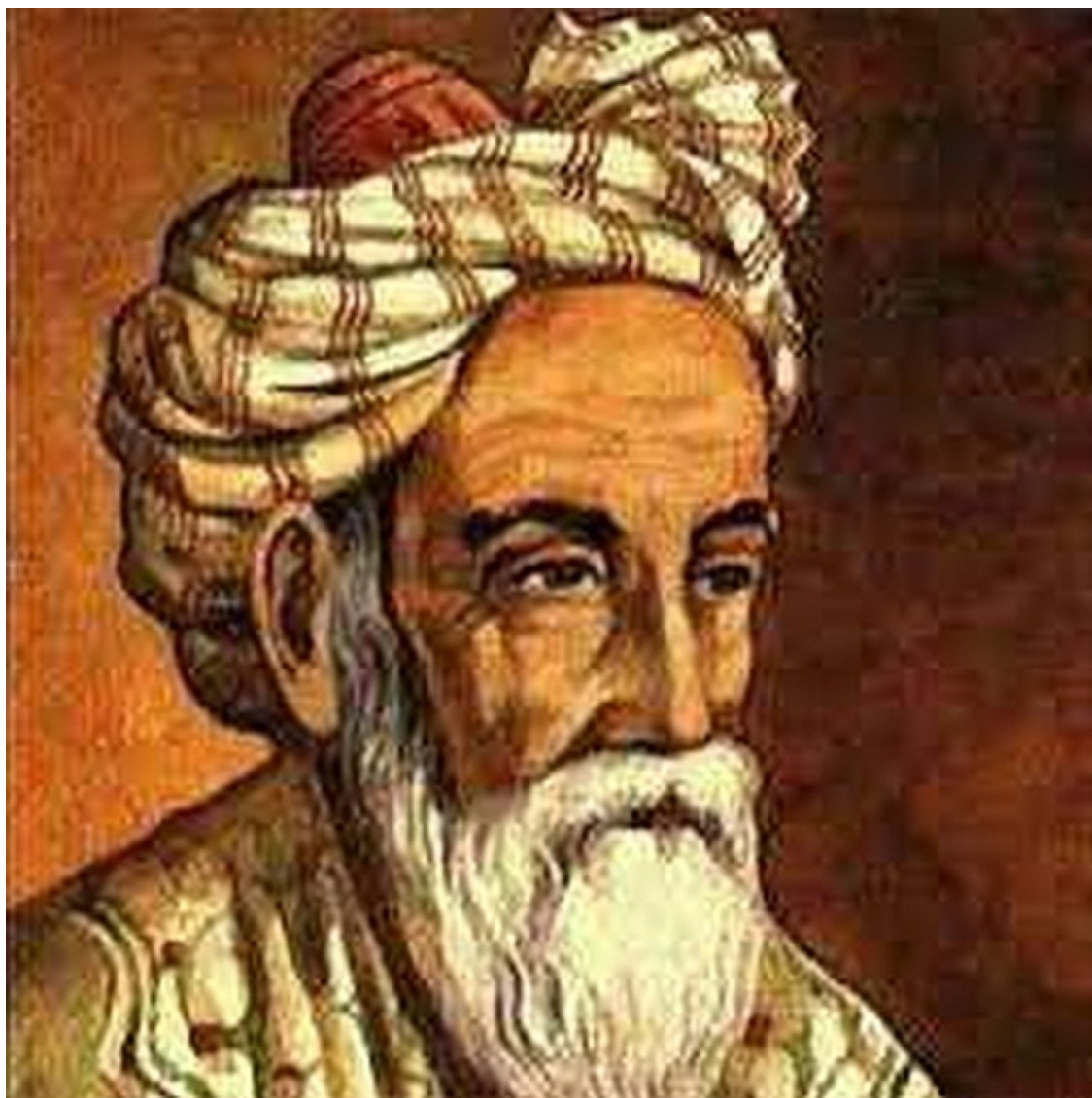
Краткое предисловие

То, что вы сейчас будете читать, написано в разные годы, по разному поводу, с разным настроением, но с одинаковым желанием и самому разобраться, и попытаться рассказать окружающим о людях, чья жизнь и судьба полны загадок, тайн, неясностей, недосказанности, неопределенности и прочих «не». Они интересны мне, они вызывают восхищение и, несомненно, достойны того, чтобы о них помнили. И вдруг, в один прекрасный миг я понял, что все то, что написано, могло бы составить главы одной книги... Долго к этому пришлось идти – слишком разные те, о ком я рассказываю, и, тем не менее, книга теперь собрана, и пусть она напомнит калейдоскоп или не до конца собранный пазл, но, возможно, кому-то она станет напоминанием, для кого-то, и автор на это надеется, открытием, и мы все вместе еще раз порадуемся тому, как много чудесного в этом мире!

Омар Хайям: ...много лет размышлял я над жизнью земной...

Возможно, великий Хайям выглядел именно так

Кто еще их персидских поэтов может сравниться славой с *Омаром Хайямом* (1048 – после 1123 или 1132)? Вслушайтесь в это звонкое имя – *Гийяс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури!*

Мир узнал стихи великого поэта только спустя семьсот лет после их создания. Английский поэт и переводчик *Эдвард Фицджеральд* (1809–1883), любитель персидской классической поэзии, познакомившись с подлинниками произведений *Джами* и *Хафиза*, *Низами* и *Хайяма*, переводит их на английский и в 1857 году издает тоненькую книжечку под названием «Рубайят Омара Хайяма». Почти два года никто не обращал на нее внимания, и вдруг... Мгновенный взлет, оглушительный успех, блестящие отзывы критиков, три новых издания при жизни Фицджеральда, почти 130 изданий к 1930 году. Необыкновенная популярность во всей Европе и

США (и, что поразительно, особенно в промежуток между двумя мировыми войнами). Николай II читал рубаи на немецком языке (книга с пометками императора находится в Екатерининском дворце в Павловске). Итак, почти никому не известный английский поэт и почти никому не известный персидский поэт...

И теперь это неотъемлемая часть мировой культуры.

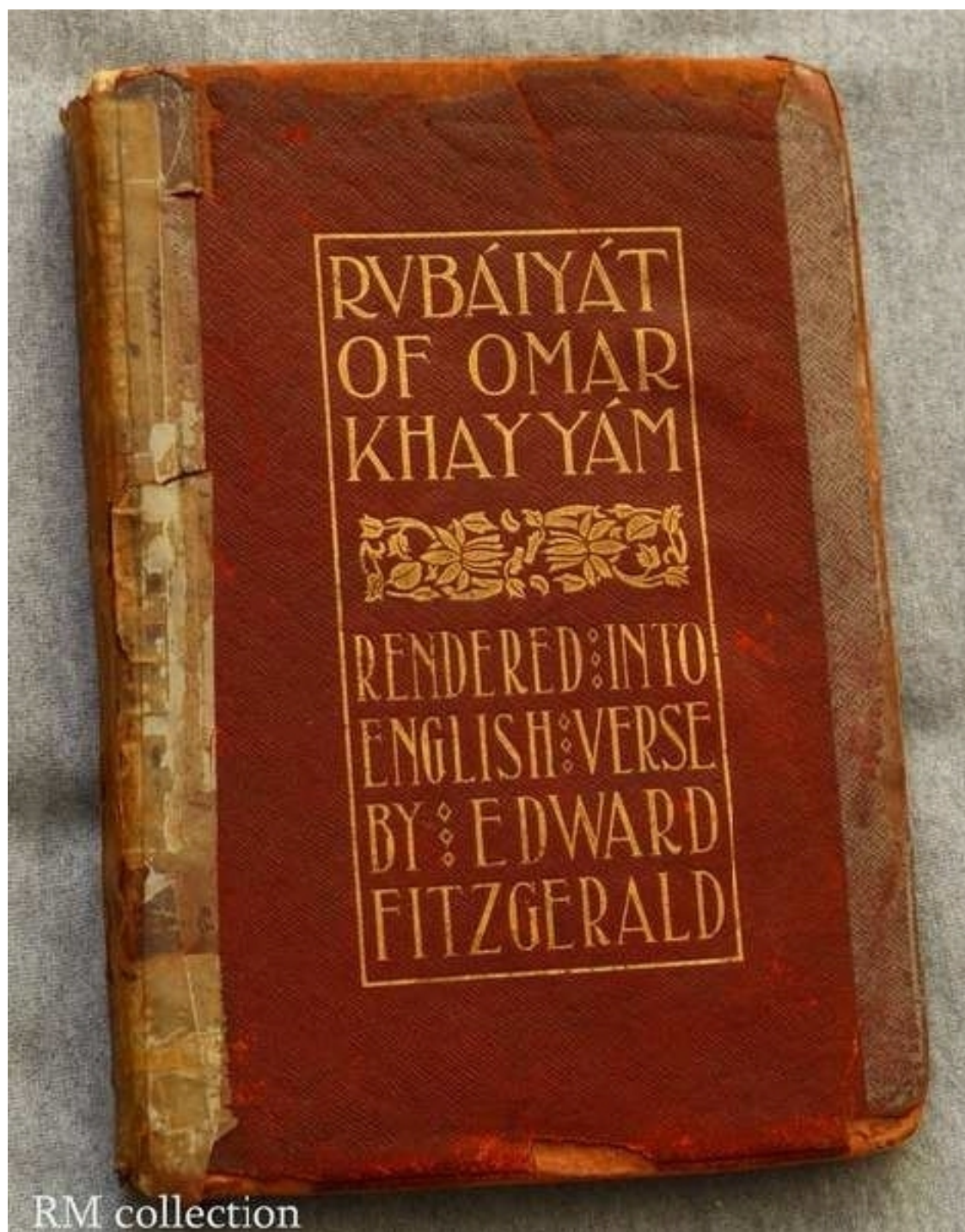
*Я, как вода, в сей мир притек, не зная,
Ни для чего, ни из какого края;
И из него, как ветер через степь,
Теперь несусь – куда, не понимая.*

«Теперь несусь – куда...» В вечность!

*Всё, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.*

Не видна, не видна... А что на поверхности? Что видно? Дата? И то не точно. 1048 или... Вопросы, вопросы, вопросы... И чем больше вчитываешься в строки его четверостиший, носящих таинственное и манящее название «рубаи», тем больше убеждаешься в том, что не все загадки мировой литературы разгаданы, а, впрочем, стоит ли идти до конца?

Не исчезнет ли та прелесть чеканных строк и цветистых сравнений, не исчезнет ли этот душистый аромат восточных благовоний и утренних роз, запах старого вина и солнечный луч на персидском ковре, расстеленном в саду под сенью пышных деревьев?

Одно из самых первых изданий

Омар Хайям. А имя-то какое чеканное! Перевод известен – «палаточник». Семья? Да ремесленники, кто же еще! Шатры и палатки для купцов и торговцев... Средств достаточно, чтобы дать способному мальчику образование. Палаточник! «Мастер, шьющий палатки из шелка ума...». Палаточник! «Мудрец», «Царь философов Запада и Востока», «Доказательство истины» – неслучайно уже при жизни он был удостоен этих титулов от своих земляков... Но звучат ли здесь слова о его Поэзии? Не за ученые ли занятия все эти звания? Конечно, астро-логия и математика, астрономия и физика – вот они, подлинные занятия великого! Да еще и

философия, правоведение, история и теософия, мудреная наука «корановедение» (это мы так называли бы ее сейчас)... Юноша, закончивший одно из лучших на Востоке медресе в Нишапуре, учившийся в Балхе и Самарканде, овладевший всем комплексом наук, входящих в круг средневековой восточной образованности, безусловно, не мог оставаться безвестным поэтом, но ему, в совершенстве овладевшему арабским и родным персидским, знающему так много (и так мало, как казалось самому), было просто невозможно остаться в стороне от соревнований поэтов и музыкантов, от чтения и сочинения стихов, да, в конце концов, от посвящения любимым нескольких волшебных и страстных посланий!

Малик-шах

Он держит эти строки в памяти, чтобы потом старый калам начертал их на коже... Он держит их в памяти так же, как загадочные знаки и буквы «Альмагеста» Птолемея, чей арабский перевод по прочтении семи раз запомнил наизусть. Поистине, феноменальная натура – в промежутке между игрой в шахматы и романтическим свиданием набросать трактат по математике, предвосхитив на много сотен лет самого Ньютона с его биномом (Хайям, вероятно, открыл эту формулу, действительно, первым). Двор наследного принца в Бухаре по заслугам оценил молодого математика, а служба эта стала еще и дорогой к самому Малик-шаху в Исфган – столицу персидского государства Сельджукидов. Двадцать лет плодотворнейшего труда в одной из крупнейших средневековых обсерваторий... И блестящий итог – точнейший календарь, в основу которого был положен тридцатилетний период, включавший восемь високосных годов, идущих через четыре года семь раз и один раз через пять лет... Да, говорят, этот календарь, названный «Календарем Малик-шаха», превосходит и нынешний, но утрачен, безвозвратно утрачен, как и бесценные «Астрономические таблицы». Не сохранился и тот математический трактат с великой формулой и между делом открытым методом извлечения корней из целых чисел... Все поглотило время, оставив нам только строки «Рубайата», вызывающие огромное количество споров, переводимые бесчисленное количество раз, толкуемые многими и по-разному...

Он был «на ты» со звездами. Что это значило в прошлом? Астрономия и астрология – сестры или соперницы? А кто же ты, Омар Хайям? Ведь это о тебе вспоминает Низами Арузи Самарканди, повествуя о том, как заподозривший своих астрологов в намеренном искажении смысла звездных предсказаний, шах был готов снести им головы, да смягчился, когда те, бедняги, в качестве последнего довода предложили послать гонца с их гороскопами к Хайяму в Хорасан, дескать, тот так известен, что уж проверит все без ошибок... А славная история о султана Мерва, получившем от Хайяма благоприятный гороскоп для выезда на охоту и вдруг попавшем под снегопад? Наш доблестный астролог, стоявший в кругу осмеивающих его придворных, уговаривающих султана отменить охоту, благословил правителя в путь, обещая, что тучи рассеются, и – о Аллах! – небо очистилось, и пять дней светило солнце великому султану, суля чудесное времяпрепровождение.

Низам ал-Мульк

Но убит фанатиком покровитель Омара в Исфагане мудрейший визирь Низам ал-Мульк, умирает Малик-шах, наследникам не до науки, обсерватория приходит в запустение. «Мы были свидетелями гибели людей науки... Мне сильно мешали невзгоды общественной жизни...» – это голос самого великого Мастера...

Вдова Малик-шаха и юный царевич, за судьбу которого во время его болезни (оспа гуляла по Востоку...) опасался Хайям (недолгое время еще пребывая в качестве астролога и придворного медика), не могли простить близости его к визирю, затаили жуткую азиатскую злобу... Отъезд Омара в родной Нишапур (где и оставался он до конца своих земных дней) совпал (случайно ли это?) с потерей Исфаганом своего значения как культурного и научного центра...

Изгнание? Наверное... Останется лишь несколько поездок в Балх и Бухару, паломничество в Мекку – и все...

Медресе, где он преподает, позволяет общаться с небольшим кругом учеников, редкие диспуты и встречи с приезжими мудрецами, еще более редкие составления гороскопов для узкого круга бывших знакомых и родственников. Осторожен Хайям с сильными мира сего. Не эти ли строки:

*Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны – то кто бракодел?*

тянут за собой славу крамольника и вольнодумца? С философией Хайяма сложно – больших трактатов не создал, эклектик, но с блестящими догадками и гипотезами, последователь суфиев и Авиценны, материалист или «натуралист», как стали называть его позже (что, впрочем, ближе по значению к слову «атеист»). Да судили-то о его философских взглядах, скорее всего, по тем самым блестящим четверостишиям, которые сочинял он всю жизнь, адресуя себе да самым близким своим и возлюбленным. Но какое счастье, что эти, вероятно тайные, опыты дошли до нашего времени, стали достоянием гласности, как принято выражаться нынче.

Чудесная иллюстрация к строкам Хайяма

Пришли к нам, к ним, уже тогда... Почему? Не в самой ли форме персидского четверостишия кроется причина их проникновения в массы? Рубаи... Один из востоковедов очень метко назвал их «одной из наиболее летучих форм персидской поэзии»! Летучая форма! Вот здорово! Это ж просто наша с вами родная частушка по форме, а по содержанию? Логически точные, афористические строки язвительного, замкнутого и самоуглубленного «имама Хайяма» вылились в простонародную форму, совершенно не вхожую в аристократическую среду. Его строк боялись: Малик-шах – покровитель! А теперь? Насмешки и злоба, предательство и недоверие нишапурцев, тьма анекдотов, где осуждают Мастера и хвалят его остроумие и находчивость, поносят и восхищаются, учатся у него и плюют ему вслед...

*Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.*

Как волшебны строки «Палаточника»

«Он был равен Абу Али ибн Сине (Авиценне) в науках философских, но был дурного нрава...» – так говорит о нем в своей «истории мудрецов» Мухаммад Шахразури. Да-да, дурного, и с учениками не всегда приветлив и ласков... А вот что о нем сказал историк Джамал аль-Дин аль-Кифти (1172–1231): «Омар аль-Хайям – имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого (Бога) посредством очищения плотских побуждений ради чистоты души человека и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам... Между тем сокровенный смысл его стихов – жалящие змеи для шариата... О, если бы дарована была ему способность избегать неповиновения Господу! Есть у него разлетающиеся с быстротой птиц стихи, которые обнаруживают его тайные помыслы, несмотря на все их иносказания...».

А знаменитая легенда о том, как налетевший порыв ветра, последовавший после прочтения самого дерзкого рубаи, опрокинул кувшин с вином, лишив собеседников Хайяма драгоценной влаги, и Мастер, продолжая дерзить, обвинил Господа в пьянстве? Не выдержал Всевышний, заставив почернеть лицо грешника и вызвав новое четверостишие, стыдящее Бога:

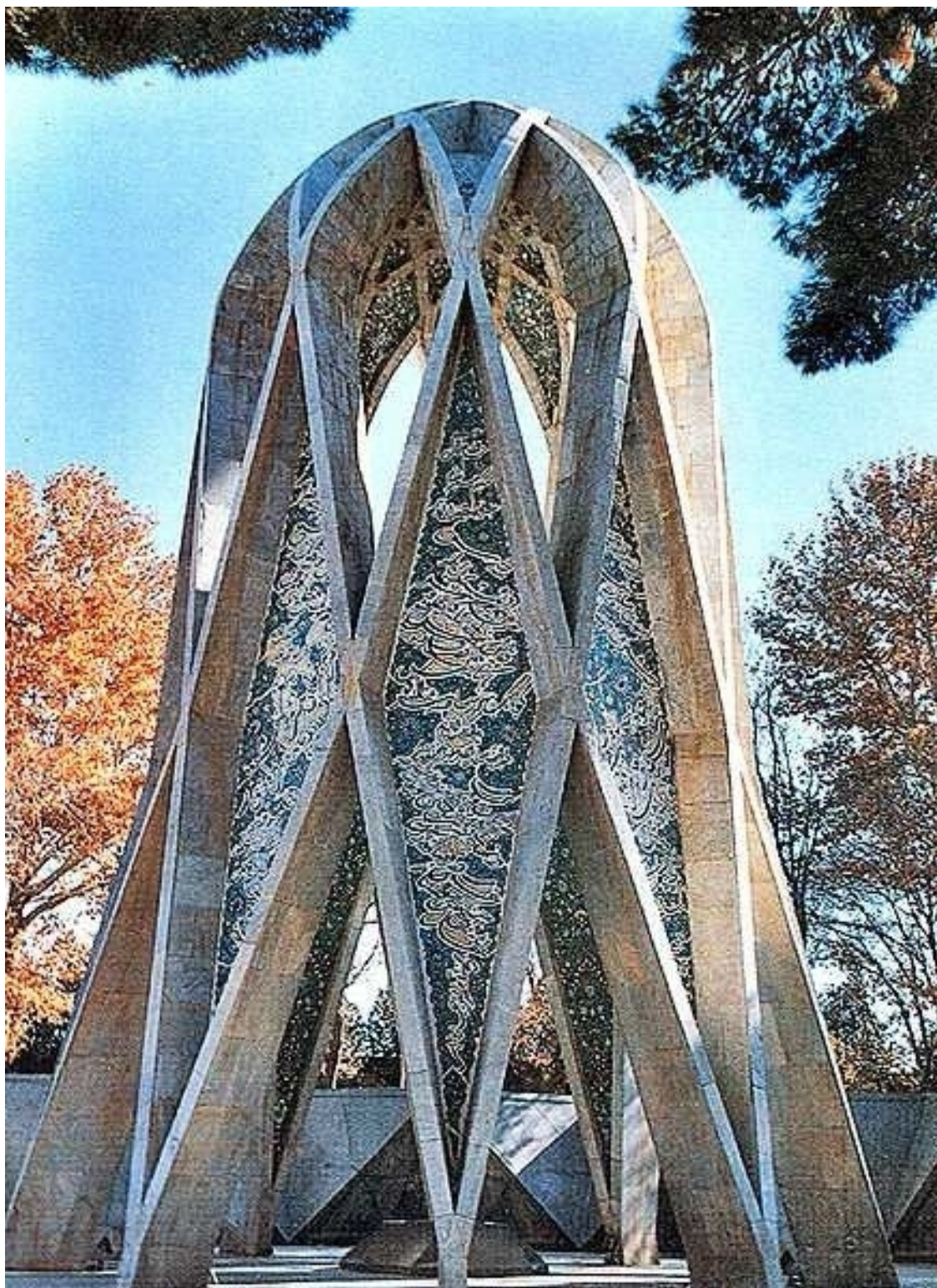
*Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил – разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!*

И все же годы берут свое. Мистический язык поэта, включающий десятки символов, мотивов и образов, которые бродят из строчки в строчку, так и не открывается нам до конца, как и не открывался исследователям уже много столетий назад.

Да, свой путь к познанию Бога, мистический путь, – этот путь мудреца, философа, престарелого поэта-жизнелюба, был непрост. Последние часы жизни проводит он в чтении великого ибн Сины. «Книга об исцелении» – вот его друг, сопровождающий в последний путь.

Глава «Единственное и множественное» – труднейший философский спор с самим собой и Богом, которого он пытался познать до конца...

И еще одна мифическая дата – 1123 год... Но есть десятки рассказов, называющие и другие сроки жизни и смерти Хайяма, есть место на кладбище Хайре, среди грушевых и абрикосовых деревьев, где, возможно, в 1132 году Бог Святой уготовил место великому поэту и ученому, где стоит прекрасный мавзолей, и жители Нишапура низко кланяются тому, кто так любил жизнь и оставил о себе память сотнями строк, любимых и нами, живущими в веке XXI.

Мавзолей Хайяма в Нишапуре

Так что же такое рубаи Омара Хайяма, чье звонкое и манящее наименование доносится до нас из глубин древней персидской истории? Да-да, персидской, а не арабской, откуда пришли в мир газели и касады. И до сих пор, говорят, в городском фольклоре Ирана, Афганистана, Таджикистана этот, чаще всего любовный, куплет широко распространен, как те самые наши частушки. Они пелись и декламировались юношами и девушками, легко запоминались, имея уникальную по простоте и легкости запоминания рифму (aaaa или aaba), становились популярными не только благодаря этому, но и меткости выражений и привычными образами. Уже при жизни Мастера рубаи вызывали массу подражаний, да еще каких! Очертить границы творчества самого Хайяма уже просто невозможно, ибо не знаем мы точно, что начертано пером великого (часто на полях научных трудов) или брошено в воздух на пирушке, а что сотворили до него или после... Думают над этим ученые, называют нам разное количество подлинных, хайямовских рубаи, составляющих нынешнее ядро красиво издающихся бесчисленных и разных по «толщине» сборников под названием «Рубаи Омара Хайяма».

Подарочные издания Хайяма просто уникальны

Можно, конечно, сосредоточившись, найти точеные и точные, звенящие, как натянутая струна, разящие, как яд гюрзы, скептические, дерзкие, иронические, философски весомые строки, которые никем иным, наверное, не могли бы быть написаны, ведь только Хайям сумел

расширить и обогатить народную песенную форму этих странствующих четверостиший такой глубиной, такой кажущейся невозможной способностью разговаривать с самим Богом на мировоззренческие темы, используя всего четыре строчки!..

*В этом замкнутом круге – крути не крути
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире – прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?*

Сколько горечи порой звучит в этих словах, сколько хочется узнать и понять!..

*Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?*

*Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать её толком не смог.*

Острый ум Хайяма сумел создать как бы заново эту удивительную, гибкую форму, вместившую в себя все – от тоста до любовной записки, от эпиграммы (в том числе и на себя самого) до молитвы, от афоризма до формулировки законов философии...

Он с полным основанием мог сказать о себе:

*Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с низшей правдой и низменным злом,
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.*

А до какого резкого тона поднимается Хайям, осуждающий ханжество во всех его проявлениях! Несправедливые судьи и стяжатели, злокозненные визири и тайные развратники, лжефилософы и мусульмане-ортодоксы! Трепещите! Дерзкий язык Хайяма разит без промаха!

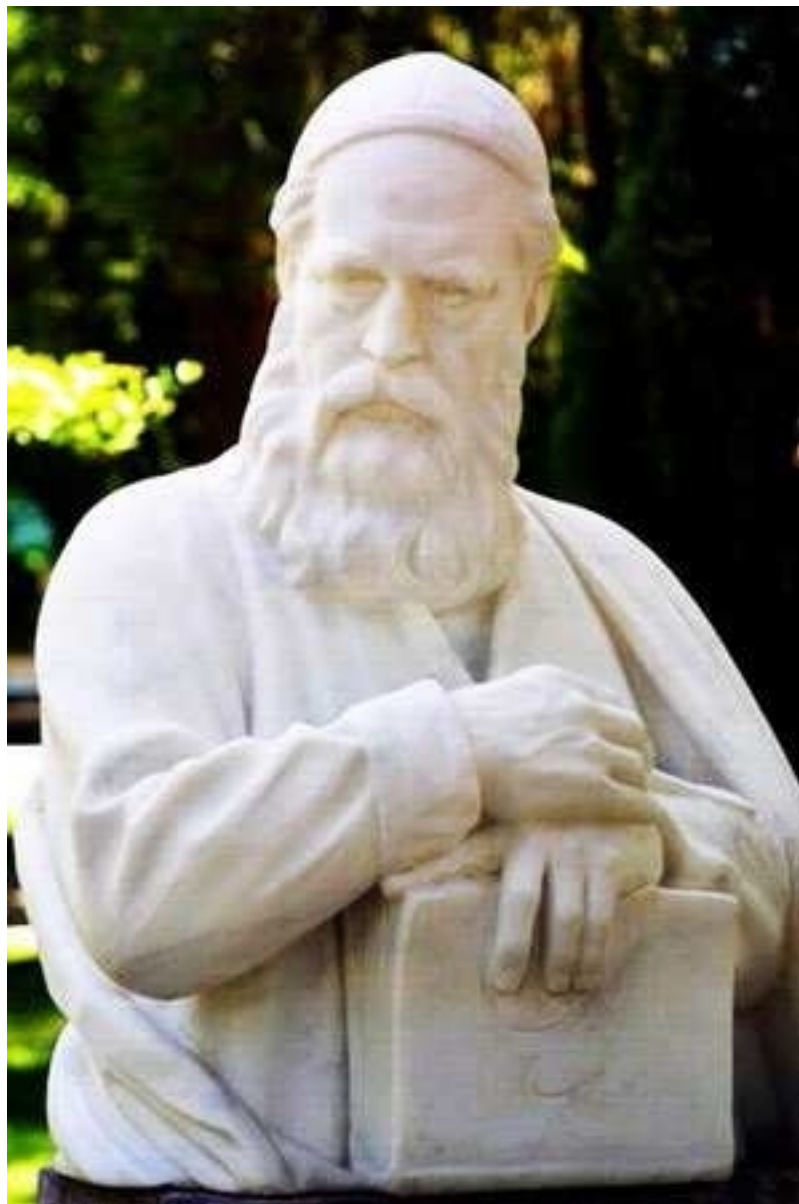
*Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это – я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это – я!»*

*Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатёр подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой укрыта
Берегись, ибо колья палатки слабы!*

*Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.*

*Где мудрец, мирозданья открывший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...*

Да, горечь звучит в строках о невозможности познать этот мир до конца, и таких строк у великого Омара множество, видно, мучило его собственное бессилие, невозможность приблизиться к истине, но разве не движение к ней, вечное желание приблизиться, найти, сам поиск ее, путь – разве не это определяет истинного мудреца, да просто человека?!

Памятник Омару Хайяму в Иране

Пресвитер Иоанн: ...вечной тайны разгадку едва ли найдешь

Пресвитер Иоанн... Легендарный христианский(!) правитель востока, одновременно король и отец церкви! Откуда к нам пришел? Всего два упоминания: история о посещении архиепископом Индии Константинополя и патриархом Индии Рима во времена Папы Каликста II (1119–1124). Ни подтвердить, ни опровергнуть, ибо все это к нам добралось с таким трудом, через горы лет и моря слов, через правду и выдумку сотен людей. Правда, просвечивает одно письмо, поражающее воображение европейцев, появившееся в 1165 году, чья подлинность сомнительна, ох, сомнительна – письмо от нашего героя императору Византии Мануилу Комнину, правящему с 1143 по 1185 годы, и распространялись слухи о нем и пересказы в приукрашенном виде еще несколько столетий спустя, а потом и в печатном виде. А во время второго Крестового похода [среди рыцарей] было распространено верование, что пресвитер Иоанн придет на помощь из своих святых мест и поможет отвоевать Палестину у мусульман. И так верили мы этому! Папа Александр III направил письмо Иоанну через своего врача-эmissара Филипа, 27 сентября 1177 г. Правда, потом о Филипе никто уже не слышал...

Мануил Комнин

Где же и кем правил великий? Начиная с XIV в., его империей «располагалась» в Африке, в XV и XVI вв. она просто-напросто отождествлялась с Эфиопией, кстати, вполне христианским королевством. Пресвитера Иоанна называли то потомком волхвов, то отпрыском Святого Фомы, предположительно основавшего раннюю, подлинную Христианскую Церковь в Индии.

А когда монголы в XIII в. вторглись в Палестину, христиане, населявшие остатки государства крестоносцев верили, что Чингис-Хан и есть пресвитер Иоанн, пришедший спасти их от мусульман. Правда, уже и в то время называли имя Тогрул-Хана, более известного под именем Уан-хана, побежденного Чингис-Ханом...

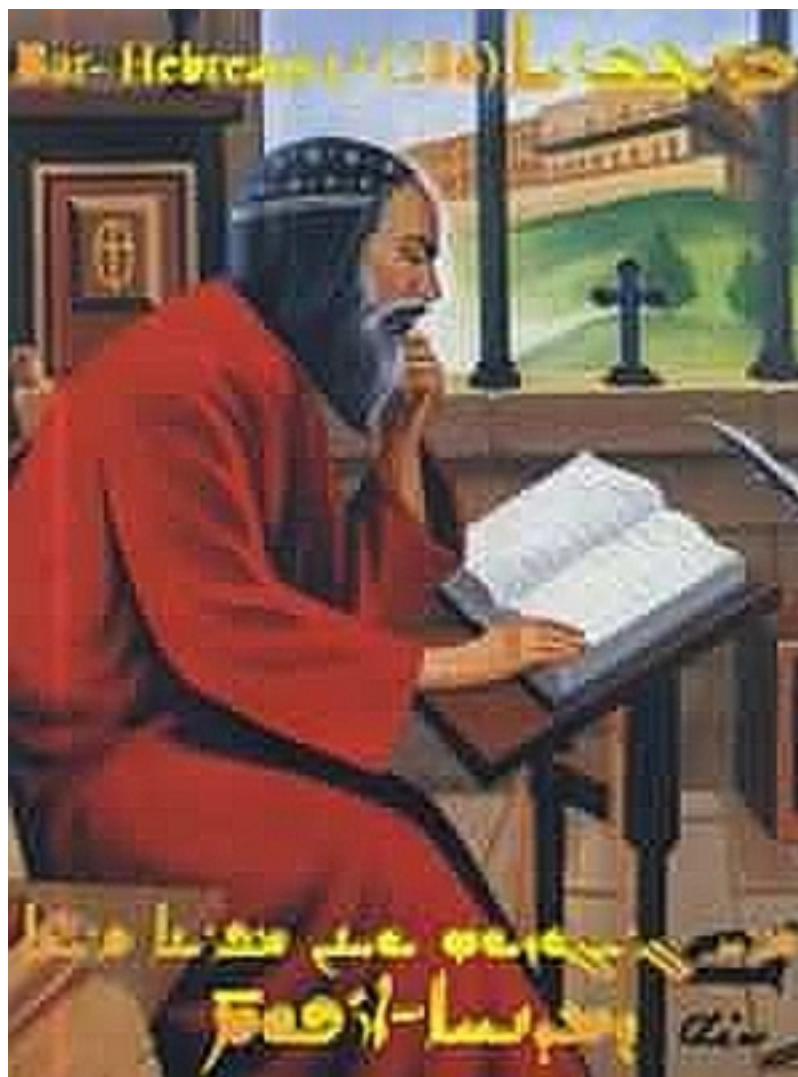
Чингис-хан и Тогрул-хан на индийской миниатюре XV века

Как найти правду сегодня? Хотя автор часто задумывается не о тщетности поисков, а об их необходимости: искать и открывать здоров, конечно, но так приятно жить в окружении тайн и загадок, давая волю воображению и постоянно находясь в поиске истины! Разве это не бодрит?

Русская история называет пресвитера Иоанна царем-попом Иваном и считает правителем могущественного христианского государства в Средней Азии (недалеко от нас, не так ли?). А уж вымышлен ли он, или есть правда в далеких легендах, неизвестно, да и прототипы, порой сомнительны.

Что нам известно [более или менее достоверно]?

Легенда о пресвитере Иоанне появилась в середине XII века. География? От берегов Хуанхэ до Атлантики, между китайцами, турками, монголами, персами, арабами, индийцами, армянами и европейскими народами, участвовавшими в крестовых походах. И почти 500 лет сказания и легенды, домыслы и, возможно, факты гуляли по всему миру.

Абу-ль-Фарадж

В русскую историю легенда попадает под названием «Сказания об Индейском царстве». Уважаемый автором Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что в основании слуха лежал действительный факт бытования несторианского *христианства* среди племен и народов Средней Азии, записанный якобы Абу-ль-Фараджем ибн Гаруном, выдающимся сирийским церковным деятелем, писателем и ученым-энциклопедистом. Но кто его знает, не было ли и тут выдумки великого? Легендарный элемент сказания о царстве, полном всех благ мира, и о царе-священнике, всегда идущем на защиту христиан от неверных, создавался, быть может, именно как следствие угнетения восточных христиан турками и сарацинами, как последняя надежда.

Оттон Фрейзингенский

Считается, что самое первое упоминание о пресвитере Иоанне содержится в летописи епископа и по совместительству писателя и историка Оттона Фрейзингенского – от 1145 года, а уже оттуда и начинается свой путь по другим хроникам. Вот и пошло оттуда, что государство пресвитера Иоанна находится в Индии, чему заодно способствовали и легенда о путешествии туда апостола Фомы, и слухи о существовании в Индии христианских общин. То есть пресвитер Иоанн стал официально считаться наследником апостола Фомы на Востоке.

С падением власти крестоносцев в Палестине слухи о пресвитере Иоанне утихают, но возрождаются с появлением авангарда армии Чингисхана в Персии и Армении. Теперь уже монгольского хана Хулагу считают то пресвитером Иоанном, то сыном его Давидом, а самих монголов – христианами! Справедливости ради, конечно, заметим, что в Средней Азии уже была, по слухам, довольно богатая история христианства. И католические миссионеры, и торговцы, и шпионы, ездившие ко двору Чингисхана, и просто любопытствующие путешественники в течение долгого времени разыскивали [в Азии] пресвитера Иоанна. И царство его двигается в Индию или уходит к племени кара-киданей, а Марко Поло находит потомков пресвитера Иоанна в лице монгольских князьков, несториан, кочевавших в стране Тянь-дэ или Тендух, в Ордосе. Кстати, мнение Марко Поло в этом вопросе часто бывало чуть ли не решающим.

В XIII веке была предпринята попытка использовать христианские тенденции среди монголов – монах-францисканец Гийом Рубрук, фигура столь же достоверная, сколь и легендарная, отправился в Каракорум к хану Мунке в качестве посланника папы римского. На пути в Золотую Орду он встретился с ханом Сартаком, который был христианином (предположительно, конечно, несторианцем) и побратимом нашего Александра Невского. Гийом был радушно принят ханом, изо всех сил пытался убедить Сартака выступить на стороне христиан, ударив сарацинам в тыл. Однако Сартак не стал вступать в переговоры.

Елюй Даши

Век XV. 1487 год. Португальский король Жуан II отправляет Педро да Ковильяна (Петра Ковиллания) и Альфонса Паиву в путешествие по Африке в надежде найти государство пресвитера Иоанна там. Экспедиция прибывает в Абиссинию, где большинство населения исповедовало православие монофизитского толка (постулирующее наличие только Божественной природы Иисуса Христа и отвергающее его человечество), а местного царя признавало пресвитером Иоанном. Имя пресвитера Иоанна производили вообще из чужих языков – то от Presteghani или Friestegiani – апостольский, то от Prester-chan, то есть хан поклонников и пр., и пр., и пр. Кстати, наш замечательный ученый Л. Н. Гумилев, анализируя все известное ему об Иоанне в книге «Поиски вымышленного царства», вообще отвергает реальность пресвитера Иоанна, полагая ее выдумкой иерусалимскими рыцарями: у них свои цели – например, оправдание предательства орденов по отношению к реальным союзникам-несторианам и последовавшего за ним разгрома Иерусалимского королевства... А подлинным героем слухов, по мнению Л. Н. Гумилева мог быть, практически однозначно, гурхан Елюй Даши, основатель империи кара-киданей. В 1137 году под Ходжентом Елюй Даши разгромил войска самаркандского правителя Рукн ад-дин Махмуд-хана. А это уже выглядело как угрозу всему исламскому миру! Начинают собираться войска со всего мусульманского Востока. К 1141 году армия султана Санджара, закаленная в боях с греками и крестоносцами, исчислялось приблизительно в 100 тысяч всадников. Таких сил не собиралось даже для войны с крестоносцами. У Елюя Даши, по оценкам Гумилева, в распоряжении находились 30 тысяч человек... 9 сентября 1141 года войска Елюя Даши и Санджара встретились в Катванской равнине. Исход битвы – Елюй Даши разбил армию Санджара, а сам султан бежал, его жена и соратники попали в плен, 30 тысяч отважных сельджукских воинов пали смертью храбрых. О потерях войска Елюя Даши

нам неизвестно. И как итог – значительное ослабление позиций мусульманских правителей, что не могло не вызывать откровенной радости у европейских христиан. И вот как раз известие о Катванской битве вызвало волну слухов, домыслов и сказок о христианском государе с Востока – пресвитере Иоанне, разбившем мусульманскую армию Санджара. Крестоносцам уж очень хотелось видеть в кара-киданих своих союзников – отсюда и рождается легенда о пресвитере Иоанне и его царстве, тем более, что среди вассалов Елюя Даши числились несториане (из-за них-то кара-киданей в Европе относили к христианам). Вот они слухи! Вот они – основы легенды о папе Иоанне – могучем восточном царе-первосвященнике, очень желающем помочь крестоносцам в их походах! Миф, миф, миф! И, появившись у Оттона, повторяется и воспринимается как абсолютно достоверный.

Кстати, сам Елюй Даши несторианином не был – воспитание он получил вполне конфуцианское. Некоторые источники называют его манихеем – последователем религиозного учения пророка Мани. Но свои послания к мусульманским правителям он предварял, якобы, исламской формулой: «Во Имя Бога, милостивого, милосердного». Известно, что незадолго до смерти Елюй Даши перед своими полками приносил в жертву небу, земле и предкам серого быка и белую лошадь – не древнемонгольская ли это «черная вера»? А возможно, Елюй Даши (подобно самому Чингисхану) отличался религиозным равнодушием и совершал языческие обряды лишь в угоду большей части своей армии. Вот только почему именно Елюй Даши назван Иоанном? (имя, однако, в несторианских общинах Центральной Азии было очень популярным). Так что вопрос о личности пресвитера Иоанна до сих пор остается открытым.

Но тут уж литература, художественная, беллетристика славно подсутилась: в греческом литературном произведении «Сказание о Индийском царстве» (XII век) царь Иоанн предстает властителем сказочно необъятной и богатой страны, полной всяческих чудес, и поборником веры Христовой.

У Вольфрама фон Эшенбаха, одного из известнейших средневековых немецких поэтов (около 1170 – около 1220) имя пресвитера Иоанна упоминается в самом конце поэмы «Парцифаль».

Пир Парцифалья. Миниатюра XIV века

Там сказано, что пресвитер Иоанн был сыном Фейрефица, сводного брата Парцифалья, и что от него пошли все христианские короли на Востоке!

Альбрехт фон Шарфенберг (XIII век), персонаж закрытый, продолжатель дела Эшенбаха, посвятил целую поэму – «Новый Титурель» царю Иоанну и самому Священному Граалю, находящемуся в Индии!

В поэме великого итальянца Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» описана страна христианского царя Сенапа, расположенная в Африке. Прообразом царства Сенапа, конечно же, послужили легенды о пресвитере Иоанне, помещавшие его владения в Эфиопии.

В знаменитой книге Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэле» о пресвитере Иоанне упоминается как о царе Индийском, на дочери которого будто бы женился Панург!

Один из выдающихся мыслителей Мишель де Монтень в 48 главе I книги «Опытов» пишет о пресвитере Иоанне как о государе абиссинцев.

Сервантес в предисловии к Дон Кихоту упоминает пресвитера Иоанна Индийского (Preste Juan de las Indias) в связи с преданием, согласно которому тот числился прекрасным стихотворцем.

В средневековых «Странствиях и путешествиях» кастильского идадьго Тафура Перо пресвитер Иоанн упоминается в рассказе об Индии.

Что же все это значит? Мифы, довлеющие над сознанием? Красивые выдумки писателей, использующих глухие отзвуки легенд? Вычитанные из старинных рукописей «подлинные» факты? Чистая ложь? Завуалированное мистическое знание?

Как красиво, запутанно и не поддается никакому объяснению... Писатели, художники слова, выдумщики и фантазеры!

Артур Конан Дойл – роман «Белый отряд» – лежащее далеко на востоке за землями московитов, Иерусалимом и Святой землей царство Пресвитера Иоанна.

Умберто Эко – роман «Баудолино» – пресвитер Иоанн и его государство.

Фантаст Тэд Уильямс – эпопея «Память, Скорбь и Терн» – король Престер Джон.

Писатель Кристофер Сташеф, мастер фэнтези – роман «Маг-крестоносец» – государство пресвитера Иоанна.

Англичанин Джон Бакан – роман «Пресвитер Иоанн»...

Значит, что-то привлекает? Сама легендарность? Загадочность? Фантастика и выдумка? Ну что же еще заставит столь различных авторов обратиться к одно и тому же персонажу? Только вот упомянутое выше письмо... Письмо, которое оценить можно, прямо скажем, не с той точки зрения, с какой Иоанн представляется в мифах – хвастовство или подтверждение выдумки и фальсификации? Строки из него, подробное описание чудес и богатства поражали воображение европейцев – в письме пресвитер Иоанн сообщал и о гигантских размерах своего царства, простирающегося от развалин Вавилона до Индии и даже за ее пределы. В той стране, признанной и пользующейся почетом и уважением у королей 72 стран(!?), водятся слоны, верблюды, рогатые люди, кентавры, сатиры, великаны и легендарная птица феникс. А в самом центре владений бьет фонтан вечной юности: тому, кто трижды попьет из него, никогда не будет больше 30 лет! Своим миром Иоанн управляет с помощью волшебного зеркала, в котором видно все, что происходит даже в самых отдаленных уголках. Армия короля насчитывает десять тысяч всадников и сто тысяч пехотинцев, а во время походов и парадов впереди идут четырнадцать носильщиков, несущих золотые кресты, искусно инкрустированные прекрасными драгоценными камнями. И, воюя с врагами христианства, дошла эта армия до Месопотамии и ждет теперь поддержки христианского мира! Ну да, поднажмем все вместе, и рухнет ислам...

Их разных и, конечно, не всегда достоверных источников, мы узнаем, что письмо Иоанна было переведено на множество языков, а вот современный контент-анализ перевода его на иврит дает возможность предположить, что автор текста может быть евреем и выходцем из северной Италии или Лангедока во Франции, то есть, европейцем, достаточно образованным и грамотным. А цели у него были? А какие же это цели? Чего хотел неизвестный фантазер

(или мошенник, или исполнитель чьего-то приказа)? Несторианин, пропагандирующий свою схизму? А что же такого в ней было, отрицаемого христианской церковью и поныне?

Несторий?

Великий, а как же иначе, Несторий Константинопольский, отказывался называть Деву Марию Богородицей и предложил для нее новое имя – «Христородица», говоря, что нельзя превращать мать Христа в богиню. Сына Божия Несторий, и его последователи считали предвечно рожденным, а не тварным, «исправляя» концепцию православия о Богочеловеке с позиций формальной логики (Несторий был низложен на Третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 г., а его учение было объявлено ересью). После осуждения несториане перенесли свою деятельность в Азию (в отличие от основного потока христианства, развернувшего свою работу

в Европе). Особенного успеха несторианство достигло у кочевников. Но, якобы, в XIII веке восточные несториане стали жертвами жестокой внутривосточной борьбы в Монгольской империи. И еще: идея о царе-первосвященнике на Востоке не могла не прельстить и императора Фридриха Барбароссу [и его окружение]. Царь-священник не нуждается в папе, поэтому и светская, и духовная власть сосредоточивались в одних руках. Отличный прецедент для борющегося с Папой императора. После взятия Милана в одном из его соборов нашли (или придумали, что нашли) мощи трех царей-волхвов, пришедших с Востока и связанных с царством пресвитера. Они были с триумфом перезахоронены в Кельне – священном городе германских королей (где и до сих пор находятся, кстати). И вскоре в Аахене, где находилась гробница Карла Великого, была совершена церемония беатификации (причисления к лику святых) франкского императора. Но Барбароссе необходим был ныне здравствующий царь-первосвященник. А тут как раз удалось закончить многолетнюю войну с *гвельфами* [на приемлемых условиях]. Заключение мира ускорил и проект Третьего крестового похода? И теперь можно двинуться дальше на восток и там-то уж точно встретить пресвитера Иоанна, который поможет германскому императору сломить всех врагов и стать единоличным главой западного мира! Однако *Господь посрамляет высокоумие мудрецов*. Барбаросса погибает, находясь в гостях у своего союзника князя Льва, правителя Киликийской Армении (юг Малой Азии). Согласно общепринятой версии, немолодой император утонул, купаясь в горной речке (и еще хорошая загадка!). Утонул! Правда, вера в волшебного, вечного правителя и его чудесное царство была непоколебима.

Фридрих Барбаросса

Да, исторические хроники не сообщили нам ничего достоверного, никаких подробностей – только загадки, правда, есть надежда, что поэты нам откроют больше, прозревая этот мир по-своему... И являются они иногда провидцами.

Только вот одна странность есть, и читатель внимательный мог бы ее заметить – у нас возникло звонкое слово Грааль! Загадочное братство Святого Грааля! Тьфу три раза – помяни к ночи Дэна Брауна с его «Кодом да Винчи»... Да и имя-то Иоанн будоражит воображение – а почему все правители таинственного индийского государства носят/наследуют имя Иоанн?

Ученый теолог, настоятель монастыря в Мариенау, кстати, тоже Иоанн Хильдесхаймский оставил нам легенду о трех далеких царях, а великий (тоже, вообще-то, Иоанн) Гете, вполне возможно, состоящий в тайном мистическом братстве, с большим интересом изучал сие писание уже в XIX веке... И особенно Грааль! Хотя что же это такое – никому не известно. Зато русское сознание, превратившее Иоанна в православного царя, который повсюду охраняет и поддерживает христиан, которому принадлежит все пространство, все земли, а границы его царства там, где «небо сходится с землей», особенное! Может быть, он, повелитель земного рая, который находится на вершине огромной горы Эдем, настолько крутой, что взойти на нее невозможно, и по вечерам, когда солнце заходит за гору, видна очень прозрачная (ледник?) и красивая стена рая, и находится там еще чудесный остров (блаженных), называемый «*Radix paradysi*» (корень рая), где три дня пролетают как три часа, а вблизи раскинулось песчаное море, с высокими пустынными и необозримыми горами, живущий на острове вместе с браминами, мудрыми, благородными и высоконравственными людьми, смиренными, милосердными, все понимающими, в мире, где нет ни воров, ни завистников, ни лжецов, владеет магическим «зеркалом праведным» или чудесным камнем *кармакаулом*, «господином всем камением драгим, в ночи же светит, аки огонь горит», освещающим тьму, а днем он как чистое золото – камень Грааль? Кто смотрит на него/ в него, видит все когда-либо содеянные им злые и добрые дела, и не только собственные, но и все то, что любой человек совершает в доме своем. А в замке, который выстроен из драгоценных камней с помощью мудрого царя Соломона, друга Иоаннова, сияет камень, который виден далеко в море (еще раритет?) – он ярче огня, он как звезда. И еще там находится «негниющее» Древо жизни. Помазанный его смолой человек больше не старится, и глаза его никогда не болят. А если в золотой зал дворца вносят больного, он тотчас выздоравливает – глухой обретает слух, к немому возвращается дар речи... Ух ты! Два камня? Грааль и... Грааль? А что искал Колумб? Далекую Индию, где правит пресвитер Иоанн и где хранится священный Грааль? А знаменитый португальский принц Генрих Мореплаватель? Вперед, но уже в Эфиопию! И там ведь действительно обнаруживается христианское государство. Однако оно мало соответствовало той картине сказочных богатств, которую рисовала легенда о пресвитере Иоанне. Кстати, позже, в связи с ухудшением положения Эфиопии из-за успешных завоеваний имама Ахмада аль-Гази эфиопы сами начинают нуждаться в военной помощи со стороны португальцев. И Эфиопия медленно, но верно перестает отождествляться с землей пресвитера Иоанна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.